

Рок-аристократ с сознанием буддиста

Беседовал
Владимир Преображенский

Имя Дэвида Сильвиана связано прежде всего с группой Japa, которая ярко вспыхнула на гребне синтезаторной рок-музыки 70–80-х, получившей впоследствии название «новая волна». С тех пор его неотступно сопровождает образ романтического декадента, сформированный им тогда и с упоением подхваченный интеллектуальной публикой и журналистами. Сильвиан никогда не гнался за успехом в шоу-бизнесе. Распустив Japa

на пике славы группы, он занялся сольной карьерой, еще больше уйдя в музыкальные и эстетические эксперименты, сформировав свой собственный, медитативно-утонченный стиль. Известен Дэвид и совместными работами с такими интересными и загадочными фигурами современной рок-музыки, как Роберт Фрипп (King Crimson) и Рюичи Сакамото. В Россию музыкант приезжает впервые. Предстоящие концерты в Москве (19 апреля, МДМ) и Санкт-Петербурге — это продолжение тура Fire In The Forest, европейская часть которого состоялась осенью 2003 года.

— Господин Сильвиан, о чем вы подумали в первую очередь, когда получили приглашение посетить Россию?

— Я счастлив посетить этот уголок света: многие годы мечтал об этом, но подобной возможности не было.

— В нынешнем турне принимает участие ваш брат Стив Янсен, с которым вы в свое время создали группу Japa. Общаетесь ли вы с другими бывшими участниками Japa?

— Мы почти не поддерживаем связь друг с другом. У каждого — собственный сольный проект, и я мало осведомлен о новом материале моих

бывших коллег. Вряд ли мы все хорошо знакомы с нынешним творчеством друг друга.

— Как началось ваше сотрудничество с Робертом Фриппом и как продолжается оно на нынешнем этапе?

— Я начал с ним работать в 1995 году, когда мы сотрудничали при создании альбома Gone to Earth. Больше всего мне понравились и запомнились наши совместные живые выступления в поддержку этого альбома. Затем Роберт создал свой проект 1990-Evolved, у нас была пара совместных туров, а также мы объединялись в трио с Трей

Ганном и также выступали с собственной программой.

— Как бы вы определили Роберта как человека?

— Он очень дисциплинированный и духовный. В высшей степени интеллектуальный и интеллигентный человек, с ним очень интересно и плодотворно общаться и работать. Наше сотрудничество было даже шире, чем музыкальный проект. Я интересуюсь философией, и отчасти наша работа с Робертом оказалась определенной ступенью развития для нас обоих. Когда мы общаемся с такими интересными людьми, происходит внутренний поиск, пе-

ред нами открывается новый путь, расширяющий наши взгляды на бытие.

— Ваша музыка невольно погружает в транс, в ней угадываются индийские, арабские гармонии. Занимались ли вы специальным изучением восточных культур?

— Да, конечно, некоторое время я интересовался буддизмом. Затем я увлекся индуизмом, у меня были учителя в Индии. Когда занялся медитацией и пуджей (духовная техника, предполагающая прямую передачу знания или энергии при непосредственном контакте учителя и ученика. — Ред.), стал практиковать определенные духовные техники, читать молитвы и следовать этому жизненному пути.

— В последнее время в России наметился настоящий бум на этномузыку, направление, которое в мире называют world music. Каковы, на ваш взгляд, перспективы синтеза рок-музыки и этнической?

— Я слушал много world music, подпадал под ее очарование, затем начал писать свой материал. Этот яркий колорит

и оттенки неизбежно становятся частью тебя самого, частью твоего собственного голоса. Был очень долгий путь, продолжительная работа над собой, прежде чем у меня появилась концепция ответить на вызов, адресовать его другим людям. Передо мной открылись новые пути для творческого поиска, возможности для расширения современного словаря, формирования новых изобразительных структур. Надо заинтересовать, при помощи своих мелодий увлечь за собой публику в неизведанные области. Мои композиции — это мой собственный голос, я открыл для себя новый способ говорить о важных вещах.

— Часто ли вы путешествуете?

— Я много чего не видел, многие культуры и страны остались неохваченными. Америка — родная страна, однако у меня не так много свободного времени, чтобы основательно изучать даже ее. Я провел 15 лет в Японии — очень люблю этих людей, это очень тонкая и нестандартная культура. Надо понимать окружающий

мир и чувствовать его, однако есть еще один мир, не менее интересный и захватывающий, — внутренний мир каждого человека. Он гораздо шире и глубже по содержанию, и освоение его даже познавательнее и интереснее.

— На фоне многих других музыкантов вы выглядите настоящим аристократом. Почему вы выбрали, условно говоря, «башню из слоновой кости», а не брутальную рок-экспрессию, рассчитанную на широкую публику?

— Я не думал, что произведу впечатление, будто замыкаюсь в «башне из слоновой кости». Когда я почувствовал вкус коммерческого успеха, понял, что это не то, к чему я стремился в этой жизни. Это не значит, что я не хочу общаться с публикой, для меня очень важно вообще общаться с людьми. Просто не со всеми это получается, слишком часто приходится идти на компромисс. Надо искать новые подходы к работе, понимать окружающий мир. Очень важно правильно общаться с миром и понимать его.

Фото с сайта www.greenwavemusic.ru

Музыкант стремится к пониманию окружающего мира, но не забывает и о внутреннем